

Система ловко увернулась и, взывая к разуму и состраданию, проговорила:

Дорогой хозяин, не хочешь ли ты послушать, что натворил злодей? Мы — исключительно человеческие системы, возможно, выслушав это, ты охотно возьмёшься за задание?

Духовное Тело Золотая Птица захлопало крыльями и издало долгий клекот. Фан Уцо не интересовались чужие истории, но система оказалась донельзя надоедливой и выглядела так, будто не умолкнет до тех пор, пока он не выслушает её.

Он раздраженно бросил:

Выкладывай, дай послушать, какие же великие дела сотворил этот злодей, которого мне предстоит спасать.

Система легонько кашлянула и с важным видом произнесла:

Главный злодей этого мира — проводник, он сейчас в Академии Белой Башни. В будущем он станет убивать людей и поджигать дома, превратится в отъявленного негодяя и даже попытается уничтожить мир!

Фан Уцо:

Ой, и всё? А дальше? Ещё что-нибудь есть?

Система:

...Разве этого мало?

Фан Уцо:

До того как умереть, я не слышал, чтобы какой-то проводник убивал людей, поджигал дома да еще и собирался уничтожить мир.

Система:

Значит, ты умер слишком рано.

Фан Уцо прищурился и с любопытством произнес:

Так какое мне дело до того, собирается он людей убивать или мир уничтожать?

Я выбрала тебя среди стольких людей, чтобы спасти этого проводника, и даровала шанс на перерождение потому, что после всесторонней оценки сочла тебя добрым и хорошим человеком.

Пятна света на теле системы вспыхнули, и механический голос, смешанный с треском электрических разрядов, звучал все так же безмятежно:

Хороший человек не станет равнодушно смотреть, как злодеи уничтожают мир.

Веки Фан Уцо дернулись.

После таких слов создавалось впечатление, что хорошие люди — это просто круглые дураки, способные жертвовать собой ради других и растрачивать себя ради всеобщего блага.

Хорошие люди заслуживают уважения, но в реальности, когда наступали апокалипсис и Пустошь, первыми обычно погибали именно такие добряки.

Фан Уцо холодно отказался:

Тогда ты, боюсь, ошиблась человеком: я ни добрый, ни хороший.

Система:

Нет, согласно моим данным, ты — хороший человек.

Фан Уцо:

...

Как знаешь, думай что хочешь, но этого злодея я спасти не намерен.

Система растерялась. Фан Уцо должен был объединить с ней усилия, осудить действия злодея, который ради собственного эгоизма уничтожает мир, а затем решительно взяться за задание.

Она не понимала, почему Фан Уцо ведет себя так, это шло вразрез с её расчетами. Неужели система и впрямь совершила ошибку и ошиблась в человеке?

Как такое возможно? Она же система, а не человек, с чего бы ей ошибаться в людях!

Оставалось лишь одно объяснение:

Из-за сбоя в работе системы в той жизни, где Фан Уцэ выживал в одиночку, с ним что-то случилось, и его характер коренным образом изменился.

В этот момент Фан Уцэ с безмятежным видом смотрел на систему, и та невольно почувствовала себя неуверенно.

Начало второй главы. Не верить — самое оно.

Раз уж дошло до такого, сожалеть было поздно. Светящийся шар системы то затухал, то разгорался, и после десятка секунд подобных терзаний тон наконец выровнялся:

Ты должен выполнить задание.

Фан Уцэ:

С какой стати?

Система больше не стала препираться с Фан Уцэ, её электронный голос звучал холодно и бесстрастно:

Прошу хозяина поскорее приступить к заданию, иначе в соответствии с правилами я буду вынуждена применить к тебе наказание.

Фан Уцэ слегка приподнял веки, бросил взгляд на шедшего впереди Гао Хуна, затем собрался с мыслями и заговорил с системой в своем психическом поле:

Какое же наказание ты собираешься ко мне применить? Судя по твоим словам, самое худшее, что может сделать твое так называемое наказание, — это аннулировать мой шанс на перерождение.

Фан Уцэ вовсе не боялся подобных угроз: он уже однажды умирал, так куда же хуже-то?

Система:

А что, если я скажу, что после выполнения задания смогу отправить тебя домой?

...Домой.

Такие знакомые и в то же время чуждые слова. Сердце Фан Уцэ словно что-то пронзило, и невыразимое чувство разлилось в груди.

Так что ступай и выполняй задание! — система остро уловила смятение в душе Фан Уцо и, куя железо пока горячо, поторопила его: — Тот самый злодей, который в будущем уничтожит мир, находится в конце коридора слева от тебя, в снарядной.

Фан Уцо цыкнул языком.

Услышав позади звук, изданный Фан Уцо, Гао Хун обернулся и с недовольством бросил:

Что опять?

Ничего, пошли.

Ого. — Гао Хун машинально сделал пару шагов вперед, но вдруг почувствовал что-то неладное.

С каких это пор в их с Фан Уцо отношениях инициатива принадлежала Фан Уцо?

Сжав зубы и чувствуя неприятный осадок на душе, Гао Хун уже собирался высказать Фан Уцо всё, что о нем думает, как вдруг с удивлением обнаружил, что позади никого нет.

Фан Уцо свернул в боковой коридор, и присущие Стражам сверхчувствительные пять чувств позволили ему без труда уловить звуки, доносившиеся из самого конца коридора.

Грязные, оскорбительные, похабные слова перелетели через весь коридор и достигли ушей Фан Уцо.

Беги! Что же ты раньше так резво бежал? Такой крутой был, а теперь почему не бегаешь?

Посмотри на себя, тьфу! Как там говорится? Ох уж эта наглая рожа! Ха-ха-ха, это выражение тебе подходит просто идеально!

Советую тебе вести себя потише и прижать хвост, раз уж ты такой урод. Хочешь покрасоваться — сначала взвесь свои силенок, достоин ли ты вообще!

...

В снарядной в конце коридора стоял шум, очевидно, там было больше одного человека. Судя по голосам, Фан Уцо прикинул, что внутри находилось как минимум четверо.

И среди этих четверых затерялся объект его спасения...

Главный злодей, который в будущем уничтожит мир, застрял в какой-то жалкой снарядной и участвует в этом бессмысленном школьном буллинге — до чего же нелепо.

Поразмыслив над этим, он, чистокровный Страж ранга В, должен из-за какой-то безумной миссии вмешиваться в дела проводников — это казалось еще более абсурдным и смешным.

Домой. Выполнить задание и вернуться домой. Мысленно повторяя это слово, Фан Уцо наконец принял решение: временно подыграть системе и приступить к этой скучной и бессмысленной миссии.

Фан Уцо вызвал находившуюся в его психическом поле Золотую Птицу и обратился к системе:

Эй, ты уверена, что человек, которого мне нужно спасти, находится именно в этой снарядной?

Это же Белая Башня, а не Черная Башня. В конце концов, чужая территория, и даже если Фан Уцо было на всё наплевать, позориться в академии проводников из-за ненадежной системы ему не хотелось.

Система ударила себя в грудь, давая гарантию:

Брат, верь мне, просто врывайся и всё, не сомневайся!

Фан Уцо горько усмехнулся: система, опоздавшая на целую жизнь его перерождения, в его глазах не заслуживала ни капли доверия.

Если бы не желание вернуться домой, он бы скорее умер здесь, сдох где-нибудь под забором или прыгнул с крыши Академии Белой Башни, чем послушался хотя бы слово этой паршивой системы.

Чем ближе он подходил к снарядной в конце коридора, тем громче и грязнее становились ругательства.

Фан Уцо в одиночестве остановился в конце коридора, глядя на закрытую дверь.

Подумаешь, задание по спасению.

Уголки губ Фан Уцо приподнялись в усмешке.

Спасать злодеев и заставлять людей вставать на путь истинный ему еще не доводилось, но насколько грозным может быть мелкий негодяй, прячущийся в снарядной?

Как говорится в древней поговорке: под палкой рождаются послушные дети. Здесь это тоже отчасти применимо: кулаки и пинки тоже способны сотворить добро.

Разве есть на свете закоренялые злодеи? Всем им просто не хватало воспитания и заботы.

И вот появился Фан Уцо.

Он решил преподать мелкому мерзавцу, забиравшемуся в снаряжные, небольшой урок общественного воспитания в качестве первого шага к заботе и наставлению.

Бай Цаньюнь забился в угол снаряжной.

Больно.

Очень больно.

Болело абсолютно всё тело.

Он старался сжаться как можно сильнее, обхватив голову руками и прижав уши к плечам, надеясь, что крики стоявших перед ним людей станут хоть немного тише.

Бай Цаньюнь дрожал губами, не смея поднять голову и встретиться взглядом с теми, кто затащил его в снаряжную, — он боялся разозлить их еще сильнее и навлечь на себя новую порцию мучений.

Его расфокусированный взгляд упал на пол: исписанный на высший балл лист с ответами валялся в углу, смятый и разорванный, точно ненужная бумажка.

Да, именно из-за этого Бай Цаньюня и приволокли в снаряжную.

Всего лишь за то, что он написал тест на отлично, заслужив похвалу от инструктора.

Думаешь, раз сдал хорошо, так сразу сможешь выбиться в люди?

Не мечтай. Мусор он и есть мусор, а ты! Ты просто пес, каких успехов ни добивайся, ты — всего лишь собака!

Инструктор тебя похвалил, и ты возомнил о себе невесть что, даже перестал приходить, когда тебя зовут. Как ты должен вести себя перед нами? Нужно ли снова учить тебя хорошим манерам?

Голова Бай Цаньюня опустилась еще ниже, скрывшись в тени. Нельзя было разобрать ни выражения его лица, ни того глубокого гнева, что таился на дне его глаз, словно тлеющие под пеплом угли.

Но что он мог поделать?

Все эти люди либо происходили из знатных семей, либо обладали высоким уровнем способностей, и инструкторы с самого начала занесли их в списки особо перспективных студентов.

Стоило обладать хотя бы происхождением или талантом, чтобы Академия Белой Башни взглянула на тебя по-другому.

Но у Бай Цаньюня не было ни того, ни другого.

Хотя Академия Белой Башни и заявляла, что не откажется ни от одного проводника, она никогда не стала бы портить отношения с будущей надеждой мира проводников ради какого-то никчемного ученика.

На любые распри и стычки внутри стен академии руководство всегда закрывало глаза.

Простите. — Бай Цаньюнь прикусил губу до крови, во рту отчетливо ощутился солоновато-железистый привкус. Его голос звучал хрипло и надломленно, словно порванная барабанная перепонка, сквозь которую свистел ветер. Он извинялся тихим, жалобным шепотом, похожим на жалкую мольбу.

Он не понимал, в чем провинился: в том ли, что получил высокий балл и посмел выйти из тени, в том ли, что обратился за помощью к инструктору, или в каких-то других мелочах...

В голове Бай Цаньюня стоял гул, а страх перед происходящим, смешанный с физической болью, превратился в настоящее изощренное мучение.

В горле пересохло, голос пропал, и теперь, во время урока, сколько бы шума ни поднималось в удаленной от классов снарядной, никто бы этого не услышал.

Никто не придет ему на помощь. Даже те инструкторы, которые хвалили его за хорошие оценки и улыбались ему, теперь разочаруются в нем из-за прогула без уважительной причины.

Дыхание становилось все тяжелее, Бай Цаньюнь крепче сжал руки на голове, напрягая каждую мышцу.